

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В. В. МАЛЬЦЕВА. ЛІНГВІСТИЧНІ МЕТОДИ АНАЛІЗУ ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСУ.

Статтю присвячено дослідженню методів аналізу художнього тексту з позиції дискурсології. Ми акцентуємо увагу на чотирьох дискурсивних підходах до вивчення літературного твору, які взаємодіють та доповнюють один одного: прагматично-комунікативному, семиотико-синергетичному, когнітивно-семантичному та дискурсивно-концептуальному. Цей вибір було аргументовано тим, що вищеперераховані шляхи аналізу враховують низку суттєвих параметрів, що конституують художній дискурс: соціокультурний контекст, прагматичні установки автора, вплив читацької інтерпретації на зміст висловлювання. Розуміючи сучасний неklasичний художній дискурс як складну систему, здатну до самоорганізації, ми надаємо можливі шляхи прочитання окремих фрагментів з романів «Ананасова вода для прекрасної дами» В. Пелевіна та «Венерине волосся» М. Шишкіна.

Ключові слова: дискурс-аналіз, дискурс, полідискурсивність, читацька інтерпретація, постмодернізм.

В. В. МАЛЬЦЕВА. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА.

Данная статья посвящена исследованию методов анализа художественного текста с позиций дискурсологии. Мы акцентируем внимание на четырех дискурсивных подходах к изучению литературного произведения, которые взаимодействуют и дополняют друг друга: прагматическо-коммуникативном, семиотико-синергетическом, когнитивно-семантическом и дискурсивно-концептуальном. Данный выбор аргументирован тем, что вышеперечисленные пути анализа учитывают ряд существенных параметров, конституирующих художественный дискурс: социокультурный контекст, прагматические установки автора, влияние читательской интерпретации на содержание высказывания. Понимая современный неklassический художественный дискурс как сложную, самоорганизующуюся систему, мы представляем возможные пути прочтения отдельных фрагментов, взятых из романов «Ананасная вода для прекрасной дамы» В. Пелевина и «Венерин волос» М. Шишкина.

Ключевые слова: дискурс-анализ, дискурс, полидискурсивность, читательская интерпретация, постмодернизм.

V. MALTSEVA LINGUISTIC METHODS OF ANALYSIS OF FICTIONAL DISCOURSE.

The present article is devoted to the study of linguistic methods of analyzing literary text from the standpoint of discourse. It seems to be important to understand discourse as a dialogue, polemic or discussion, since this indicates the internal heterogeneity of the literary fiction. We suppose that various discourses form different views on reality. We focus on four discursive methodologies to the research of literary works that interact and complement one another: communicative-pragmatic, cognitive semantic, conceptual, semiotic and synergetic approaches. This choice was justified by the fact that the above-mentioned ways of analysis could take account of essential parameters which constitute the artistic discourse such as the socio-cultural context, the pragmatic attitude of the author, the influence of the reader's interpretation on the meaning of the utterance. We provide the concept of reader's discourse, which means the communicative activity of the recipient. The instability of artistic discourse depends not only on the complex structure of the artwork, the polysemantic nature of particular concepts, the blending of discursive formats and its inherit genres, but not least the reader's perception, which could model or transform the artistic work, reveal in the text those meanings that, perhaps, were not incorporated into the utterance by the author himself. Artistic discourse constitutes a mosaic structures what is extremely productive from the perspective of our study.

We

understand

contemporary non-classical artistic discourse as a complicated self-organizing system and our work represents the possible way of researching problems related to poly-discursivity in modern literature on the material of the novels "Pineapple water for a beautiful lady" by V. Pelevin and "Venus` hair" by M. Shishkin.

Keywords: discourse analysis, discourse, poly-discursivity, reader`s interpretation, postmodern.

В современном языкознании выработано множество системных подходов к изучению дискурсивных высказываний, которые успешно используются для анализа художественных текстов. Мы уделяем особое внимание исследованию современной литературы, поскольку именно в ней в полной мере реализуются принципы открытости, гетерогенности, поликодowości дискурса, выступающие в качестве конституирующих признаков неклассической русской прозы. Эти же принципы обуславливают специфику современной социокультурной ситуации, формирующуюся, в частности, на взаимном отождествлении дискурсивных высказываний и той идеологии, которую они имплицитно навязывают говорящему, вступающему на место субъекта данного высказывания.

Актуальность данной работы состоит в обосновании необходимости многостороннего изучения художественного дискурса с применением разнообразных методов анализа, соотнесенных с различными отраслями научного знания. Задача исследования заключается в определении метода изучения дискурса, а также в демонстрации того, как различные подходы к освещению данного феномена обогащают читательское восприятие и расширяют понимание художественного текста. В данной статье описываются различные методики дискурс-анализа художественного материала, предметом исследования является изучение особенностей функционирования художественного высказывания в контексте разных дискурс-аналитических методов.

В современной гуманитаристике нет единого определения понятию дискурса. Первичная широкая дефиниция данного феномена подразумевает понимание дискурса как письменного или устного коммуникативного события, которое является единичным, невозпроизводимым, целостным. При этом дискурс обладает трехчастной структурой, состоящей из следующих компонентов: адресата, адресанта и объективной реальности, которая находит отражение в сообщаемой и дешифруемой информации [11, с. 30]. Мы полагаем, что было бы некорректно говорить о существовании объективной действительности, поскольку любое знание о ней обусловлено взглядом воспринимающего субъекта (*esse est percipi* Дж. Беркли). Дискурс представлен как продукт идеологии (В. Е. Чернявская [15], Т. А. ван Дейк [17]), из чего становится очевидным релятивизм критерия «истина». По замечанию Ж. Деррида, истина становится неполной «истиной», не-истиной, содержание которой задается дискурсивно [12, с. 27]. Необъективность любого суждения, даже того, которое претендует на истинность, связано с его обусловленностью дискурсивно-социальной практикой, выступающей, в свою очередь, в качестве интерпретации предшествующей системы, но не отражающей объективное положение вещей [5, с. 375]. Мысль об относительности истины эксплицируется в тексте романа В. Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы»: «*я ищу истину*» <...> «*Разве у тебя мало истин?*» [10, с. 265].

Мы понимаем дискурс не только как процесс, но и как результат тех межличностных, межгрупповых, межсоциальных ситуаций общения, которые закрепились в общественной практике и воспроизводятся в последующих коммуникациях [6, с. 82]. В рамках данной работы дискурсию следует понимать как коммуникацию в целом, которая предстает в виде потенциального безграничного ряда действительных или потенциальных коммуникативных ситуаций [17, с. 196]. В данной работе все тексты, репрезентирующие собой сферу готовых смыслов, являющиеся результатом социальных конвенций и общественного опыта, рассматриваются как дискурсивные практики. Именно оперирование знаниями особого рода – их созданием, передачей, хранением, трансформацией – является одной из определяющих функций дискурса [8, с. 23].

Для анализа художественного дискурса оказывается значимым понятие полидискурсивности, под которым понимается наложение и взаимодействие нескольких дискурсивных форматов в рамках одного произведения. Продолжая мысль В. Гумбольдта,

согласно которой разные языки являются не разными обозначениями одного и того же явления действительности, а различными представлениями о нем, предположим, что различные дискурсы также формируют отличные от других взгляды на действительность [3, с. 305]. Соответственно, все «языки», к которым обращается автор произведения, формируют полидискурсивную структуру самого текста.

В русле когнитивистики активно используются прагматический и семантический пути анализа, которые, в свою очередь, также обогащаются за счет особенностей подходов культурологии, риторики, синергетики, коммуникативной лингвистики и пр.: это прагматическо-коммуникативный (Н. В. Кондратенко [7]), семиотико-синергетический (Н. С. Олизько [9], В. Г. Борботько [2]), когнитивно-семантический (В. Е. Чернявская [15]), дискурсивно-концептуальный (Е. В. Бобырева [1]) методы, которые, разумеется, не являются герметичными, а, напротив, активно взаимодействуют друг с другом. Так, например, семиотико-синергетический аспект, с одной стороны, связан с концептосферой, с другой – обнаруживает параллели с синтаксисом сверхфразовых единиц [2, с. 28].

В рамках доминирующего в украинской лингвистике прагматическо-коммуникативного метода дискурс рассматривается как языковая репрезентация коммуникативного акта, отражающая определенную ситуацию действительности. Исследователи предполагают, что адекватная интерпретация высказывания невозможна без учета всех параметров коммуникативной ситуации [7, с. 60]. В дискурсе выделяется вербальный компонент (текст), и невербальные компоненты, а также внеязыковые факторы (социальные, психологические, психические и т. д.), оказывающие влияние на создание и восприятие текста [7, с. 40]. Данный подход основан на представлении о том, что художественное творчество являет собой сложный коммуникативный процесс, который реализует определенное коммуникативное намерение автора, касающееся реципиента [7, с. 59]. Анализ направлен на экспликацию прагматических установок автора, заложенных в синтаксической структуре речевого акта, раскрытие иллюкутивной силы текста, а также на обнаружение перлокутивного эффекта. В следующем контексте, взятом из романа «Ананасная вода для прекрасной дамы» В. Пелевина, повествователь намеренно прибегает к эвфемии, стремясь, вероятно, не столько сокрыть истинное содержание описываемых событий, сколько побудить читателя к дешифровке, «анализу криптодискурса», который предполагает перевод высказывания с «дипломатического» уровня на «сущностный»: *к нему в деревню на четырех джипах приехали налоговый и пожарный департаменты в сопровождении полиции и координационного комитета по кавказской культуре, и после тяжелого разговора с властями он на несколько дней слег. А потом к тому же выяснилось, что его дом стоит в водоохранной зоне* [10, с. 219]. В вышеприведенном контексте эксплицируется дискурс власти, которая в современной российской реальности манифестирована бандитскими группировками, и ассоциированное с ним насилие: персонаж, Скотенков, слегший на несколько дней после «тяжелого разговора», как представляется, был избит «комитетом по кавказской культуре». После физической расправы под благовидным предлогом у Скотенкова отобрали недвижимое имущество.

Исследование речевых жанров, представляющих собой общепринятые способы организации высказывания, характерные для конкретных жизненных ситуаций, позволяет выявить дискурсивные стратегии. Реализуя принципы прагмалингвистики при изучении художественного дискурса неклассической парадигмы, Н. В. Кондратенко выделяет две доминанты, инициирующие текстообразование, – языковую игру и принцип диалогичности. Актуальным становится понятие «дискурс читателя», под которым подразумевается коммуникативная деятельность реципиента – интерпретация художественного текста [7, с. 43].

Семиотико-синергетический подход основан на понимании постмодернистского художественного дискурса как сложной самоорганизующейся системы, характеризующейся нестабильностью, фрактальностью, эмерджентностью, открытостью и симметричностью / асимметричностью [9, с. 45]. При этом дискурсия не существует как завершенная целостность, постоянно видоизменяется, преодолевая «точки бифуркации» (термин, взятый из синергетики, под которым понимается нестабильность, способная привести систему в состояние высокой упорядоченности или же еще больше хаотизировать ее). Понимание художественного дискурса как неоднородной, мозаичной структуры представляется чрезвычайно продуктивным в ракурсе данного исследования. Такое представление согласуется с философской парадигмой Новейшего времени, постмодернизмом, в рамках которого постулируется игра с читателем,

дробность, нонселекция, нонирархия, экспликация «масочности»: *Господи, она ведь и сейчас не утешала меня, а играла роль утешителя!*; *Пирожки, кстати говоря, – дрянь порядочная. <...> Видно, хозяйка салона стала демократично играть в кухарку совсем недавно («Венерин волос» М. Шишкин) [14, с. 309; с. 335].*

Нестабильность художественного дискурса зависит не только от сложной структуры произведения, полисемантической отдельных концептов, смешения дискурсивных форматов и присущих им жанров, но, не в последнюю очередь, от читательского восприятия, которое моделирует, преобразует текст, обнаруживая в нем те смыслы, которые, возможно, не были заложены в высказывание самим автором. Представляется, что содержание объекта во многом зависит от того, кто выступает в роли наблюдателя: *Есть такие пятна Роршаха – просто кляксы на бумаге. Каждый, кто на них смотрит, понимает их в соответствии со своими психическими проблемами. Один видит кошек, другой кровавых мальчиков, третий Пушкина, четвертый папу римского (В. Пелевин «Ананасная вода для прекрасной дамы») [10, с. 253].* Эксплицируется та дискурсивная практика, которая в данный момент является наиболее актуальной и понятной для субъекта речи: *Сестра Аня <...> изучает арифметику<...>. рассказывает мне про сложение и вычитание. На Пасху мы идем на кладбище, и вдруг я обнаруживаю, что над умершими людьми стоят плюсы («Венерин волос» М. Шишкин) [14, с. 113].*

Семиотика, в частности социосемиотика, исследует то, как вербальные и невербальные знаки участвуют в создании дискурсивных смыслов, которые, в свою очередь, конституируют социальные отношения, системы знаний и культурно-языковую идентичность [4, с. 46]. Семиотический анализ предполагает вычленение и изучение знаков, организующих культурную идентичность, их взаимоотношения, функционирование в системе. Знак является собой элемент кода, более крупной системы, способной к воспроизведению, и подчиняется правилам, установленным в данной системе [16, с. 13]. Представляется, что содержание знака нельзя зафиксировать или окончательно определить в силу его динамической природы: оно актуализируется в процессе социальной интеракции и претерпевает трансформации в каждом новом контекстуальном окружении. Культура может быть представлена в виде семиотической системы, компоненты которой конструируются участниками социальной деятельности.

В фокусе когнитивной семантики оказывается совокупность импликаций, интертекстуальных отношений, а также описание коллективного, фонового знания, сопровождающего порождение и восприятие какого-либо высказывания [15, с. 57]. Как и при коммуникативно-прагматическом подходе, в данной методологии особую роль играет воспринимающее сознание, которое дешифрует содержание высказывания. Приведем отрывок из романа М. Шишкина «Венерин волос», в котором описывается несправедливый суд над милиционером, пытавшимся поймать убийцу, который, по всей вероятности, был должностным лицом: *Судья <...> зачитал приговор, состоявший всего из одной фразы: «Только дикари верят в борьбу добра против зла». <...> И еще, уходя, добавил: «Извини, браток, за маскарад – но сам понимаешь, не в парике дело» [14, с. 82].* Возможна следующая экспликация прагматических установок, преследуемых рассказчиком: отказавшись от принятия существующей действительности, работник милиции противопоставил себя системе, метафорически названной в романе зверем, – *Я – не шерстинка [14, с. 81]*, которая в лице несправедливого судьи поглотила и сломила его – *Я написал помиловку: «Шерстинка» [14, с. 90].* Судья извиняется перед милиционером, следовательно, признает свою неправоту, но не хочет нарушать существующий порядок вещей, чтобы не оказаться на месте подсудимого. Вероятно, отказ от институционального дискурса обоснован несправедливостью судебного процесса, который сам судья называет маскарадом, и приговора. Возможна иная интерпретация данного фрагмента. Главный мотив юридического дискурса, манифестируемого в данном высказывании такими дискурсивными маркерами, как судья, приговор, заключается в вынесении суждения о соответствии рассматриваемого события букве закона. Мир представляет собой упорядоченное пространство, в котором роль каждого индивида строго определена: *И кто ты против считалочки? Ею мир держится!* [14, с. 82]. Предположив, что базовые константы данного дискурса соблюдены, мы рассматриваем отказ следовать установленным правилам как нарушение законопорядка, за что судья приговаривает работника милиции к тюремному заключению. Представитель закона говорит о существовании априорной виновности всех людей: *Да только вот положительного героя нет! Где ему взяться в этом мире?* [14, с. 82]. Все индивидуумы мыслятся как отрицательные, поэтому каждый из них

может быть осужден на совершенно справедливых основаниях. Жизненный сценарий, написанный задолго до рождения человека, соотнесен с коллективным опытом, нашедшим выражение в устном народном творчестве, к которому обращается писатель: *на стене считалка. И в ней все написано. И вот про этих негрятят <...>, и про вас* [14, с. 88]. Считалка отсылает читателя к детективному роману Агаты Кристи «Десять негрятят» и обнаруживает ассоциативную связь с профессиональной деятельностью подсудимого, его желанием провести собственное расследование и тщетными попытками найти убийцу.

Полидискурсивность проанализированного фрагмента заключается в сосуществовании множества равнозначных трактовок, что связано отсутствием однозначной интерпретации интенций автора. Кроме того, мы рассматриваем полидискурсивность как смешение дискурсивных форматов – обыденного, юридического – что проявляется в нарушении жанровых канонов юридического дискурса, нанизывании стереотипных высказываний, соотнесенных с обывательской мировоззренческой позицией, а также отсылкам к устному народному творчеству, аккумулирующему коллективный опыт, интердискурсивным связям с творчеством английской писательницы.

Для анализа значимым критерием является регулярность дискурса, формирующаяся благодаря объединению однородных текстов в один дискурсивный тип, что, в свою очередь, связано с закрепленностью в общественной практике тех или иных стереотипов. Данный подход обнаруживает связи с дискурсивно-концептуальным методом, поскольку заполнение «слотов» стереотипного высказывания сопряжено с выявлением актуального значения слова с учетом его контекстуального окружения.

Дискурсивно-концептуальный анализ предполагает анализ концептов, которые являются маркерами той или иной дискурсии, а также установление взаимосвязи между жанровыми признаками дискурсивного формата и той концептосферой, которая для него характерна. Концепты можно разделить на первичные и вторичные. К первым будут относиться понятия, характерные для конкретного вида дискурсии; ко вторым – те концепты, которые охватывают сразу несколько сфер [1, с. 136]. Поскольку большая часть концептов являет собой изменчивый знак (термин взят из работы [13, с. 60]), значение которого меняется в зависимости от контекста, то есть обладает потенциальной многозначностью, его нельзя строго отнести к тому или иному дискурсивному формату. Наложение и одновременная актуализация сразу нескольких значений конкретного знака меняет его содержание, увеличивая количество возможных вариантов экспликации содержания речевого акта. Данный метод позволяет обнаружить области пересечения концептуальных значений и установить трансформации, которые претерпевают дискурсивные форматы, сталкиваясь и взаимодействуя друг с другом, то есть попадая в условия полидискурсивности. Особый интерес в этом плане представляет детское восприятие, которому посвящены мемуары Беллы Дмитриевны, персонажа «Венериного волоса»: *На Сороки, 9 марта, она (няня) печет жаворонков. <...> Я убеждена, что этот праздник связан каким-то образом с сорокой-белобокой, и очень удивляюсь, узнав, что таким образом мы отмечаем день сорока мучеников Севастийских* [14, с. 115]. Те смыслы, которые успел усвоить ребенок из устного народного творчества, резонируют с истинным, религиозным содержанием праздника. Как представляется, подобное наложение обыденного, религиозного дискурсов характерно для народного, наивного сознания в целом. При этом мы рассматриваем религиозный дискурс не только как христианский, но и как языческий, связанный с обрядовостью и устным народным творчеством. *Сороки* связан с призыванием весны, а фигурки птиц, изготовленные из теста, выступают в качестве символа этого времени года (ср. еще одно название праздника – Жаворонки).

Дискурс-анализ призван определить широкий контекст, в котором функционирует анализируемое высказывание, описать элементы языка и культуры, актуализирующиеся в тексте, определить их взаимодействие в рамках конкретного дискурса. В основу данного исследования легло представление о дискурсе как о социокультурном феномене: с одной стороны, он оказывает влияние на общественные практики и определяет развитие языковой личности, а с другой, сам является продуктом знаково-символической деятельности языковых коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: [монография]. Волгоград: Перемена, 2007. 385 с.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 288 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
4. Каинова Т. В. Дискурсивно-семиотический подход к адаптации транснациональной рекламы: дис... канд. филол. наук : 10.02.19. Тула, 2002. 169 с.
5. Керимов Т. Х. Постмодернизм // Современный философский словарь. М.; Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996. 375 с.
6. Ключев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 263 с.
7. Кондратенко Н. В. Синтаксис українського модерністського і постмодерністського художнього дискурсу. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. 320 с.
8. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Сб. обзоров. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сер. Теория и история языкознания 2000. с. 5-13.
9. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дисс... д-ра филол. наук : 10.02.19. Челябинск, 2009 343 с.
10. Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
11. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
12. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.: Флинта Наука, 2007. 608 с.
13. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен Х.: Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.
14. Шишкин М. П. Венерин волос. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 540 с.
15. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики 2014. № 1 (038). с. 54-61.
16. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
17. Dijk T. A. van. Ideology: A multidisciplinary approach. London, Thousands Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1998. 365 p.

(Статья поступила в редакцию 14 октября 2018 г.)